

рался каждый день сдѣлать что-нибудь во славу всемогущаго на пользу ближняго и, если мнѣ это удастся, ввечеру того-жъ дня я чувствую истинную радость. Я не думаю сдѣлать этимъ чего-нибудь, за что бы я могъ ожидать награды, но единственно стараюсь, исполняя долгъ свой, находить въ сердцѣ миръ и чистыя невинныя удовольствія». Теперь онъ преимущественно посвятилъ себя религіозному созерцанію. Ежедневно у него отпращивалось два молитвословія: одно утреннее отъ 11 до 12, другое послѣ полудня отъ 6 до 7 часовъ; его нѣмецкіе служители при этомъ всѣ присутствовали. Исполнялъ все это пасторъ, а послѣ, когда пастора не стало, самъ Минихъ. Въ праздники утромъ читали обычное евангеліе, по полудни апостольское писаніе, что приходилось въ данный праздничный или воскресный день по уставу лютеранскаго богослуженія. Его чрезвычайно дѣятельная природа не выносила духовнаго бездѣйствія. Онъ началъ составлять проекты, то военные, то строительные, но къ большому его несчастію ему не давали ни бумаги, ни чернилъ. Узникъ заявилъ, что желаетъ письменно сообщить что-то важное государствѣ. Это заявленіе пошло въ сенатъ, представлено было императрицѣ и она дозволила Миниху временно дозволить писать, что онъ находитъ нужнымъ представить правительству. Тогда Минихъ принялся писать и посылать въ Петербургъ одинъ

мы за каждымъ обѣдомъ три здравія, а именно ея императорскаго величества, обоимъ ихъ императорскихъ высочествъ, и тѣхъ, кои объ насъ помнятъ, пьемъ, а въ высокіе праздники чинится оное французскимъ виномъ, въ которое мы и наши два рубля солдатамъ даемъ, дабы они про здравіе ея императорскаго величества повеселиться, а равно какъ и мы за тотъ хлѣбъ, который ея величество намъ по милости своей жалуетъ, съ удовольствіемъ ихъ низайшую благодарность засвидѣтельствовать могли. И такъ я на прѣблагаго Бога твердо уповаю, что безъ воли его моего отца небеснаго ни власъ съ головы моей не погибнетъ, и въ такомъ моемъ упованіи онъ меня не оставитъ, въ чемъ во всемъ я совершенно на него и его праведныя судьбы полагаюсь».

По преданіямъ, собраннымъ въ Пельмѣ отъ старожиловъ лѣтъ пятьдесятъ слишкомъ тому назадъ, Минихъ изъ своего заточенія занимался скотоводствомъ, откупалъ окрестные луга и ставилъ сѣно своими работниками, отчасти же, приглашалъ тамошнихъ обывателей на помощь: тогда въ острожномъ дворѣ, гдѣ онъ жилъ съ женою, происходило угощеніе. Минихъ смотрѣлъ на нихъ и увеселялся ихъ пѣснями и забавами. О женѣ его сохранилось преданіе, что хотя она дурно изъяснялась по-русски, но любила оказывать благодѣянія крестьянскимъ дѣвушкамъ, выходившимъ замужъ, и вообще была чрезвычайно добродушна и всѣми любима. Преданіе описываетъ его жилище и способъ его жизни сходно съ его собственными извѣстіями, о которыхъ было выше сказано. Дворъ, въ которомъ помѣщался изгнанникъ, былъ обнесенъ высокою стѣною изъ срубовъ съ четырьмя башнями по угламъ и съ пятою—надъ воротами. Днемъ ворота были отворены и обыватели могли входить туда, а Миниха тогда только и можно было видѣть, когда онъ съ женою, никогда отъ него не отступавшею, прогуливался по стѣнѣ, имѣвшей въ каждомъ фасѣ по 30 саженой.